2. О накоплении капитала и „третьих лицах".

«Пусть каждый говорит то, что он считает правдой».

Из письма Лессинга.

(См. Роза Люксембург: «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса», 108 стр.).

Людям свойственно ошибаться. Маркс был человек. Следовательно, и он не мог избегнуть ошибок. Это безукоризненный силлогизм. Но такова была гениальность этого человека, что все попытки ревизировать (исправить) его до сих пор—в течение ¾ века—неизменно оканчивались неудачей.

Последняя серьезная ревизионистская попытка принадлежит Розе Люксембург.

Коротко говоря, эта попытка сводится к следующему. Маркс, рассматривая проблему расширения капиталистического производства (накопления капитала), исходит из предпосылки чистого капиталистического общества, состоящего только из капиталистов и продавцов рабочей силы, отвлекается от наличия некапиталистических товаропроизводителей (и товаровладельцев), так-называемых «третьих лиц», как от осложняющего проблему, но не необходимого момента.

Напротив, Роза Люксембург считает «третьих лиц» необходимым моментом расширения капиталистического производства, ибо без них, по ее мнению, невозможна реализация той части прибавочной ценности, которая идет на расширение капиталистического производства.

Если в совокупном общественном продукте капиталистического общества,—таков ход рассуждений Розы Люксембург,—окажется, скажем, на 4000 (например, миллионов рублей) средств производства, необходимых для восстановления средств производства, израсходованных в предшествующем цикле производства; на 1000 средств потребления рабочих, необходимых для восстановления рабочей силы, израсходованной в предшествующем цикле производства: на 500 средств потребления

капиталистов и на 500 средств производства и средств потребления, необходимых для расширения производства (или иных товаров на ту же сумму), то средства производства в размере 4000 будут реализованы (их купят капиталисты, чтобы восстановить израсходованные средства производства), средства потребления рабочих в размере 1000 будут также реализованы (их купят рабочие, чтобы восстановить свою израсходованную рабочую силу), средства потребления капиталистов в размере 500 также будут реализованы (их купят капиталисты, ибо они также люди и хотят жить и притом хорошо жить), но средства производства и средства потребления, необходимые для расширения производства (или иные товары на ту же сумму), не могут быть реализованы, ибо их не купят рабочие, которые уже израсходовали всю свою заработную плату, и их не купят капиталисты, ибо, как говорит Роза Люксембург, это было бы с точки зрения капитала совершеннейшей бессмыслицей, производством товаров ради производства; это было бы не накопление денежного капитала, т.-е. не капиталистическое накопление, а карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве [1]).

Словом, выход, по мнению Розы Люксембург, в том, чтобы эти нераскупленные ценности в размере 500 купили «третьи лица», не капиталисты и не наемные рабочие, чтобы их купили некапиталистические владельцы товаров.

*

Во всем этом построении нет ничего нового. Уже в течение ста лет теоретизирующие мелкие буржуа (в том числе и наши народники) «доказывали» таким образом невозможность развития капитализма. Построение это необычайно привлекательно своей простотой и кроме того тем, что служит опорным пунктом для исключительно простой теории империализма—чтобы расширяться, капитализм должен во что бы то ни стало вовлекать в свой товарный оборот все новых «третьих лиц», а также для простого и убедительного доказательства неизбежности краха капитализма: капитализм может расширяться. лишь расширяя свой внешний рынок сбыта.

[1]) См. Роза Люксембург «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика)», пер. Ш. Дволайцкого. 1922, стр. 17.

(т.-е., находя новых «третьих лиц» в качестве покупателей своих товаров), а так как число «третьих лиц» не безгранично, то наступит момент, когда новых «третьих лиц» не окажется, и тут-то капитализму каюк. Однако, построение это страдает существеннейшим недостатком: оно доказывает слишком много.

Чтобы выяснить это, попытаемся продолжить анализ Розы Люксембург. Возьмем совокупный общественный продукт не одного капиталистического производства, а всего общественного производства, включая и производство «третьих лиц», как товарное, так и натуральное. При этом ценность продуктов натурального производства мы можем принять равной нулю или какой угодно иной величине, например, ценности соответственных (таких же) продуктов товарного производства; мы можем согласиться как на одно. так и на другое. Пусть в этом совокупном общественном продукте окажется на 4000 средств производства (необходимых для восстановления средств производства, израсходованных в предшествующем цикле производства), на 1000 средств потребления работающих (необходимых для восстановления израсходованной в предшествующем цикле производства рабочей силы работающих), на 500 средств потребления капиталистов и прочих (некапиталистических) эксплоататоров и на 500 средств производства и потребления, необходимых для расширения производства.

Тогда, рассуждая по примеру Розы Люксембург, мы «докажем», что средства производства в размере 4000 будут реализованы, ибо их купят (или возьмут, поскольку речь идет о натуральном производстве для самих производителей) капиталисты и некапиталистические производители товаров (или продуктов), чтобы восстановить израсходованные средства производства; что средства потребления работающих в размере 1000 будут также реализованы, ибо их купят (или возьмут) капиталистические наемные рабочие и некапиталистические производители, чтобы восстановить свою израсходованную рабочую силу; что средства потребления капиталистов и прочих эксплоататоров в размере 500 будут также реализованы, ибо все эксплоататоры—люди и хотят хорошо пожить; но из средств производства и средств потребления в размере 500, необходимых для расширения производства, будут реализованы лишь те из них, которые пойдут на расширение нату-

рального производства. Спроса на остальные не будет, если верна теория рынка Розы Люксембург. Спасения у «третьих лиц» уже искать нельзя, ибо я предательски включил их, стоявших до того вне рассматриваемого расширяющего производства, в сферу последнего и тем сделал невозможной их эксплоатацию, хотя и теоретическую, но столь же постыдную, как и капиталистическую.

Итак, теория рынка Розы Люксембург доказывает, что расширение всякого товарного производства невозможно. Подтверждением этого вывода может послужить и то обстоятельство, что эта теория рынка применима и к некапиталистическому товарному производству, например, к простому товарному производству.

Пусть в совокупном общественном продукте некапиталистического товарного общества окажется на 4000 средств производства (необходимых для восстановления средств производства, израсходованных в предшествующем цикле производства); на 1000 средств потребления (необходимых для восстановления рабочей силы, израсходованной в предшествующем цикле производства); на 500 средств потребления эксплоататоров и на 500 средств производства и средств потребления, необходимых для расширения производства (или иных товаров на ту же сумму). Тогда, согласно рассуждению Розы Люксембург, мы сможем «доказать», что средства производства в размере 4000 и средства потребления в размере 1000 будут куплены, чтобы восстановить израсходованные средства производства и рабочую силу работников некапиталистического товарного общества; будут куплены эксплоататорами и средства их потребления в размере 500. Остальные же товары на сумму в 500 останутся нереализованными за отсутствием спроса, если не прибегнуть к «третьим лицам», которыми на этот раз будут члены капиталистического общества.

Повидимому, проблема расширения как капиталистического, так и некапиталистического товарного производства могла бы быть благополучно разрешена лишь при том условии, чтобы члены капиталистического и некапиталистического товарного общества любезно согласились выступать попеременно в роли спасительных «третьих лиц», осуществляя и в этой области—согласно принципам товарного миропорядка—эквивалентный обмен услугами.

Как легко может догадаться читатель, эта трогательная гармония исчезает при об'единении всех их в одну компанию.

Положение тогда становится безвыходным.

Но не происходит ли расширение капиталистического производства за счет некапиталистических товаропроизводителей, например путем вытеснения, скажем при помощи низких цен, товаров ремесленного или иного некапиталистического производства?

Это, конечно, возможно. Однако вытеснение товаров некапиталистического производства означает сокращение последнего, а так как, согласно вышесказанному из теории рынка Розы Люксембург следует с несомненностью, что расширение всего товарного производства в целом невозможно, то расширение капиталистического производства возможно лишь в меру сокращения некапиталистического. Иными словами, с самого начала развития капитализма по сей день не произошло ни малейшего развития производительных сил человечества (если не считать прогресса натурального хозяйства).

Едва ли, однако, найдутся охотники защищать это положение.

* * *

Больше того. Нетрудно показать, что из теории рынка Розы Люксембург (если придерживаться ее последовательно, т.-е. признавать невозможным расширение всякого товарного производства) следует, что не только развитие, но даже простое сохранение капиталистического производства возможно лишь на основе падения производительных сил человечества.

В самом деле, если каждое расширение капиталистического производства происходит за счет сужения производства некапиталистического (путем его вытеснения), то, принимая во внимание циклические колебания капиталистического производства, мы придем к выводу, что сокращение некапиталистического производства неизбежно будет больше, чем расширение капиталистического, ибо при расширении последнего (во время под'ема), происходит соответственное сужение некапиталистического производства [1]), но при последующем сжатии капиталистического производства во время кризиса не происходит расширения некапиталистического производства. Так, если мы (произвольно) предположим, что при каждом под'еме капиталистическое производство расширяется в четыре раза, а при каждом кризисе сжимается вдвое, то мы получим:

---

[1]) Разумеется, в действительности сужение некапиталистического производства происходит не в период под'ема (тогда происходит благодаря ослаблению конкуренции—его расширение), а в период кризиса, ибо именно тогда свирепствует самая бешеная конкуренция.

К концу каждого полуцикла.

	1 (исходн.)	2 (под'ем)	3 (кризис)	4 (под'ем)	5 (кризис)	6 (под'ем)
Размеры капиталистического производства	1	4	2	8	4	16
Прирост (расширение) его . . .	0	3	1	7	3	15
Сокращение (уменьшение) некапиталист. производства	0	3	3	9	9	21

Наше положение в основном тексте, может быть, следовательно, исправлено в том смысле, что с момента появления капитализма по сей день произошло падение производительных сил человечества (если верна теория рынка Розы Люксембург).

Возьмем теперь случай простого сохранения капитализма, когда каждый следующий под'ем не выше предыдущего. Пусть при каждом под'еме капиталистическое производство расширяется вдвое и при каждом кризисе сжимается также вдвое. Тогда мы получим:

К концу каждого полуцикла.

	1 (исходн.)	2 (под'ем)	3 (кризис)	4 (под'ем)	5 (кризис)	6 (под'ем)
Размеры капиталист. производства	1	2	1	2	1	2
Прирост (расширение) его	0	1	0	1	0	1
Уменьшение некап. производ. .	0	1	1	2	2	3 и т. д.

Мы видим, даже если бы имело место не расширение, а лишь простое воспроизводство капитализма, и тогда с момента его возникновения и по сей день не только не произошло бы ни малейшего развития производительных сил человечества, но наоборот, шло бы их падение, если верна теория рынка Розы Люксембург. Иными словами, раз капитализм возник, то, как бы ни были малы его размеры, достаточно длительного его существования, чтобы производительные силы человечества были сведены к той малой величине, какую представляли производительные силы капитализма в момент его возникновения.

Возьмем, наконец, случай разложения капитализма, когда каждый следующий под'ем ниже предыдущего. Тогда будем иметь, например:

К концу каждого полуцикла.

	1 (исходн.)	2 (под'ем)	3 (кризис)	4 (под'ем)	5 (кризис)	6 (под'ем)
Размеры капит. производства. . .	100	105	95	100	90	95
Прирост (расширение) его (+) или (уменьшение) (—)	0	—5	—5	0	—10	—5
Уменшение некапитал. производ.	0	5	5	10	10	15

и т. д.

Если размеры некапиталистического производства мы примем равными, например, 15, то мы сможем (шутки ради) поставить вопрос: как возможно дальнейшее падение капиталистического производства, если для него не хватает «третьих лиц».

* *
*

Так как, однако, едва ли сыщутся охотники последовательно защищать теорию рынка Розы Люксембург, то рассмотрим (явно непоследовательную) теорию рынка, которой, повидимому, придерживалась Роза Люксембург, а именно: расширение капиталистического производства невозможно иначе, как с участием спасительных «третьих лиц», но расширение некапиталистического товарного производства может происходить само по себе (как именно, оставляем в тени).

Но тогда мы из огня попадаем в полымя. Ибо тогда рушится конструируемая на основе теории рынка Розы Люксембург связь кризисов капиталистического производства со спросом «третьих лиц».

Поставим вопрос прямо. Возможно ли расширение капиталистического производства, не вызываемое спросом «третьих лиц»? Иными словами, возможно ли, чтобы прибавочная ценность была реализована (полностью или частью) помимо «третьих лиц»?

Если возможно (разумеется, эта возможность сама по себе стоит в противоречии лишь с необходимостью, но вовсе не с возможностью расширения капиталистического производства на базе спроса «третьих лиц»), тогда возможно и расширение чистого капиталистического общества, состоящего только из капиталистов и капиталистических пролетариев. Тогда вся теория рынка Розы Люксембург отпадает.

Если же невозможно, если расширение капиталистического производства может происходить лишь в размерах, вызываемых спросом на его товары со стороны «третьих лиц», то тогда, практически говоря, невозможны кризисы общего производства, вызываемые недостаточностью спроса «третьих лиц», ибо (отвлекаясь от расстройств воспроизводства, вносимых диспропорциональностью) все произведенные товары — за ничтожным исключением — всегда найдут покупателей. В самом деле. Вернемся к нашему первому примеру. «Третьи лица» пред-

явили спрос на 500, сделавший возможной реализацию нереализуемой в капиталистическом обществе части прибавочной ценности и расширение капиталистического производства. Благодаря спросу «третьих лиц» капиталисты получили необходимый для расширения капиталистического производства денежный капитал; но для расширения капиталистического производства недостаточно денежного капитала, для него необходимы и средства производства и средства потребления рабочих. Так как капиталистическое производство их не произвело (вместо них произведены продукты, необходимые «третьим лицам»), то оно должно получить их извне, следовательно, у «третьих лиц». Таким образом, если капиталисты получают необходимый для расширения капиталистического производства денежный капитал благодаря спросу «третьих лиц», то необходимые для этого расширения средства производства и средства потребления рабочих они могут получить лишь благодаря предложению «третьих лиц».

А это означает, что в результате «третьи лица» получают свои деньги обратно, следовательно, восстанавливают свой спрос [1]).

В нашем примере капитал был равен 5000 (из них постоянный капитал 4000 и переменный 1000), общая ценность произведенных товаров 6000; из прибавочной ценности в 1000 личный доход капиталистов составлял 500 и подлежащий накоплению капитал также 500. Если расширение производства—благодаря посредничеству «третьих лиц»—произошло, то капитал возрастет до 5500, а общая ценность произведенных товаров до 6600; вместе с тем, восстановится и спрос «третьих лиц» в размере 500. Прибавочная ценность возрастет с 1000 до 1100. Подлежащая реализации вне капиталистического общества часть прибавочной ценности не превысит 600 (а скорее окажется меньше 600, так как вместе с ростом массы прибавочной ценности растет и личный доход капиталистов); но спрос «третьих лиц» в размере 500 налицо, следовательно, нереализованной может остаться не

---

1) Разумеется, возможно, что капиталистическое производство производит средства производства и для своего расширения (полностью или частью), но не производит (на ту же сумму), например, средств потребления капиталистов. Тогда оно должно купить эти средства потребления у «третьих лиц», и спрос последних всетаки будет восстановлен.

вся предназначенная для накопления часть прибавочной ценности, как раньше, а самое большее лишь $^1/_6$ этой части, а скорее еще меньше, напр., $^1/_{10}$.

Иными словами, затруднения с реализацией могут затрагивать теперь не всю подлежащую накоплению прибавочную ценность (равную всей прибавочной ценности за вычетом личного дохода капиталистов), а лишь самое большее— прибавочную ценность, полученную в результате вложения вновь накопленного капитала, скорее, даже часть ее.

А это такая проблематическая и, во всяком случае, незначительная величина (в нашем примере уже не $8^1/_3$% всех произведенных товаров, а всего лишь, скажем, 1%, во всяком случае, меньше 1½%), к тому же величина, падающая с падением нормы прибыли, что об общем кризисе производства, обусловленном недостаточностью спроса «третьих лиц», говорить не придется.

Если «третьи лица» хоть раз «спасли» своим спросом капитал, они будут, как каторжные, спасать его и впредь, обеспечивая каждый период производства своим неизменным спросом.

Поскольку речь идет о спросе «третьих лиц», капитал может жить спокойно, не опасаясь кризисов; с этой стороны,—если верна непоследовательная теория рынка Розы Люксембург,—ему особых опасностей не грозит: самый механизм капиталистического воспроизводства, если он захватил их раз, будет держать их прочно прикрепленными к капиталу.

**
*

Действительная связь спроса (рынка), расширения капиталистического производства и кризисов вовсе не похожа на ту, какую рисует теория рынка Розы Люксембург, и «третьи лица» играют в ней много более скромную роль.

Прежде всего, обнаружение размеров спроса и соразмерение с ним размеров производства вовсе не совпадают во времени; между первым и последним проходит время, и притом значительное время.

Период оборота всякого капитала состоит из периода производства и периода обращения. После того, как товар

произведен, его необходимо транспортировать, реализовать (продать) и на вырученные деньги приобрести не всегда имеющиеся в запасе необходимые для его воспроизводства (простого или расширенного) средства производства и рабочую силу, которые также должны быть доставлены на место производства.

Примем для упрощения, что период оборота всего общественного капитала длится год, в том числе период производства полгода и период обращения также полгода. В действительности дело, конечно, значительно сложнее, так как периоды оборотов различных капиталов не совпадают, и даже там, где они совпадают, как периоды производства, как периоды обращения все же могут не совпадать.

Производство не идет таким образом, что сначала товар производится, транспортируется, реализуется, и только по окончании реализации снова начинается производство. Производство идет не с перерывами (в нашем примере по полгода в каждом году), а непрерывно. Оно не ожидает результатов обращения (в частности, реализации), а происходит одновременно с последним.

Именно поэтому спрос в данный момент (в нашем примере в данное полугодие) вообще не может оказать никакого влияния на размеры производства в данный момент (в данное полугодие), которое идет независимо от происходящей одновременно с ним реализации продуктов прошлого производства (прошлого полугодия).

Если в каком-нибудь (скажем, третьем) полугодии, по каким бы то ни было причинам (пусть, по вине «третьих лиц») произошла реализация продуктов предшествующего (второго) полугодия, в котором—по каким бы то ни было причинам (пусть также по вине «третьих лиц»)—происходило расширенное (по сравнению с первым полугодием) производство, то в силу анархии капиталистического производства капиталисты, зная лишь, что они до сих пор беспрепятственно и с успехом расширяли производство, пред'явят и в четвертом полугодии спрос на товары, необходимые для расширения производства в пятом полугодии, и тем создадут условия для реализации продуктов расширенного производства третьего полугодия (расширенного независимо от успехов реализации в течение третьего полугодия продуктов производства второго полугодия).

Будет ли этот их спрос достаточен для реализации продуктов третьего полугодия, это вопрос другой. Если он окажется достаточным, то произойдет и тем самым окажется возможным расширенное производство без участия «третьих лиц». Если он окажется недостаточным, наступит кризис.

Условия возможности самостоятельного расширения капиталистического производства являются условиями возможности кризисов.

**
*

Мы видели, что в силу стихийности капиталистического товарного производства расширение его происходит хотя и под влиянием реализации, но отнюдь не в строгом соответствии с нею, и что этого соответствия нет ни во времени, ни, следовательно, в размерах. Поэтому капиталист производит товары, не задумываясь о том, как обстоит дело с «третьими лицами», и в одних случаях благодаря тому, что так же поступают и другие капиталисты, к тому времени, когда его товары произведены, оказывается появившимся и спрос на них, и тогда наступает новое расширение производства—будто бы бессмысленное «с точки зрения капитала» производство ради производства получает смысл; а в других случаях его товары не находят спроса и остаются лежать непроданными, наступает кризис, и ученый экономист начинает укорять капиталиста: почему тот поступил бессмысленно.

Бедный капиталист снимает цилиндр, низко кланяется и говорит в свое оправдание, что он, мол, только бедный капиталист, и потому ему не видно все общественное производство в целом, как господину ученому экономисту, но тем не менее с ним, капиталистом, не всегда такие казусы приключаются, и в общем дела его идут недурно.

Эта высокая позиция ученого экономиста, окидывающего взором все капиталистическое производство в целом, и явилось причиной (психологической) странной умственной аберрации Розы Люксембург.

Перед ней мелькала мысль о том, что расширение капиталистического производства может итти за счет спроса самих же капиталистов, расширяющих производство, но зрелище безграничного расширения ради расширения, производ-

ства товаров ради производства, казалось ей «с точки зрения капитала» совершеннейшей бессмыслицей. Она забывала, что реально существует и действует отдельный капиталист и что он не может подняться на ту точку зрения капитала, т.-е. абстрактного собирательного капиталиста, на которую поднялась она, Роза Люксембург, и с которой видно все капиталистическое производство в целом.

Мы приведем подлинные слова Розы Люксембург, характеризующие неясность ее воззрений в этом основном пункте:

«Есть, наконец, простой выход из затруднения. Может быть, мы уподобляемся тому всаднику, который безнадежно разыскивал коня, на котором он сидел? Может быть, капиталисты сами покупают друг у друга этот остаток товаров, и притом не для того, чтобы прокутить в свое удовольствие, а затратить именно на расширение производства с целью накопления? Ибо что такое накопление, как не расширение капиталистического производства? Но для того, чтобы удовлетворить этой цели, указанные товары должны состоять не из предметов роскоши для частного потребления капиталистов, а из разного рода средств производства (нового постоянного капитала) и средств существования для рабочих.

Пусть это будет так. Но подобное решение лишь переносит затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы **тогда** найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?

Если нам ответят, что это возросшее количество товаров и в следующем году будет обменено капиталистами между собой и затрачивается ими всеми опять-таки для расширения производства, и так из года в год, то мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае не капиталистическое накопление, т.-е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное: производство товаров ради производства, стало быть, с точки зрения капитала, совершеннейшая бессмыслица. Если капиталисты, как класс, всегда лишь сами являются покупателями всей своей товарной массы (за исключением той части, которую они постоянно должны уделять рабочему классу на его содержание), если

они сами должны собственными деньгами покупать постоянно товары и превращать в золото заключающуюся в них прибавочную стоимость, то накопление прибыли, накопление классом капиталистов, как целого, невозможно». (См. Роза Люксембург. «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика)», пер. Ш. Дволайцкого, 1922, стр. 16—17).

Реальное производство маскируется для капиталиста денежной формой его капитала. У Розы Люксембург проносится в голове мысль об этом и она пишет: «Это будет в таком случае (т.-е. если произойдет самопроизвольное расширение капиталистического производства) не капиталистическое накопление, т.-е. не накопление денежного капитала (курсив мой. Л. К.), а производство ради производства». Но производство ради производства было бы не накоплением денежного капитала, если бы оно было натуральным или товарным безденежным производством. В действительности же, продает ли капиталист свои товары «третьим лицам» или другим капиталистам, он и в том и в другом случае продает их, следовательно, превращает свой товар в деньги. А раз так, накопление денежного капитала имеет место и в случае производства ради производства, т.-е. в случае самопроизвольного расширения капиталистического производства, скрывая от капиталиста истинный характер его деятельности.

По существу дела, психологические изыскания Розы Люксембург о мотивах (стимулах) капиталиста вскрывают перед нами психологию ученого экономиста, а отнюдь не капиталиста.

Что это так, можно видеть еще из следующего. Роза Люксембург предполагает, что (беря цифры нашего первого примера) средства производства в размере 4000 будут куплены. Но почему в сущности? Единственный ответ может быть лишь такой: потому, что капиталистам свойственно стремиться к восстановлению израсходованных средств производства, иначе говоря, им свойственно стремиться к сохранению размеров производства; у них есть уверенность в том, что они найдут спрос на продукты своего нерасширенного производства, так как это им удавалось до сих пор. Но добавочные средства производства капиталисты, по мнению Розы Люксембург, не купят. Почему? Очевидно, по-

тому, что капиталистам несвойственно стремиться к расширению производства; у них нет уверенности в том, что они найдут спрос на продукты своего расширенного производства, хотя бы даже до сих пор им удавалось расширить производство, т.-е. найти спрос на его продукты. Без об'яснений ясно, насколько эта психология соответствует реальной психологии капиталистов и реальной действительности капитализма, в которой, разумеется, если что невозможно, так это простое воспроизводство: в периоды под'ема потому, что тогда предаваться ему могут лишь «теоретические» капиталисты, в которых нет и проблеска духа капитала; в периоды кризиса потому, что тогда не находят достаточного сбыта ни продукты расширенного, ни продукты простого воспроизводства.

* *
*

Подход Маркса и подход Розы Люксембург к проблеме различны в корне. Маркс ставит вопрос: если происходит расширение капиталистического производства, то каковы будут (не могут не быть) об'ективные, независящие от психологии капиталистов отношения между различными частями и элементами капиталистического производства?

Напротив, Роза Люксембург ставит вопрос: каковы условия, необходимые для того, чтобы был пред'явлен спрос на прибавочный продукт, реализация которого необходима для расширения производства, и находит, что «с точки зрения капитала» пред'являть спрос бессмысленно, а с точки зрения «третьих лиц»—имеет смысл. Насколько подход Маркса глубок, настолько подход Розы Люксембург поверхностен.

И ко всему ее психологические изыскания свидетельствуют о непонимании капиталистической психологии. Но если оставить в стороне эти психологические изыскания, то участие «третьих лиц» не дает ничего существенно нового для понимания механизма расширения капиталистического производства.

«Третьи лица» не избавляют капиталистов от необходимости реализовать произведенные при расширении капиталистического производства добавочные ценности внутри капиталистического общества. В случае участия «треть-

их лиц» изменяется лишь натуральная форма произведенных при расширении капиталистического производства ценностей и добавляется лишняя операция обмена. В самом деле. В случае участия «третьих лиц», часть прибавочной ценности в размере 500 (цифра взята из примера в начале настоящей статьи) производится в виде средств производства и потребления, необходимых для «третьих лиц», и сбывается последним, покупается ими; но на деньги, вырученные от продажи «третьим лицам», капиталисты (а частью и капиталистические рабочие, получившие часть этих денег в виде заработной платы) покупают у этих «третьих лиц» средства производства и потребления.

Но так как при этом происходит лишь обмен равноценностями, то при абстрактном рассмотрении процесса расширения капиталистического производства ничто не мешает предположить, что капиталисты непосредственно производят (разумеется, руками пролетариев) те средства производства и потребления, которые они купили у «третьих лиц».

Для абстрактно-теоретического рассмотрения проблемы расширения капиталистического производства принимать во внимание участие «третьих лиц», значит ненужным образом осложнять вопрос. Вот почему Маркс совершенно правильно исходил из предпосылки чистого капиталистического общества, состоящего только из капиталистов и их наемных рабочих.

* *
*

Мы могли бы на этом закончить. Но с вопросом о накоплении капитала (расширении капиталистического производства) и роли в нем некапиталистических товаропроизводителей и товаровладельцев («третьих лиц») связана теория империализма.

Мы считаем необходимым отметить, что империализм в толковании Розы Люксембург отнюдь не совпадает с тем, что принято (в марксистской среде) понимать под империализмом. Империализм в толковании Розы Люксембург, это—политика экспансии капитала по отношению к некапиталистической среде, политика вовлечения в товарный оборот некапиталистического общества, включения в данное капитали-

стическое хозяйство все новых «третьих лиц». Следовательно, империализмом является вовлечение в товарный оборот капиталистического общества некапиталистических товаропроизводителей собственной страны, например, французских крестьян во Франции. но империализмом не является вовлечение, включение в данное капиталистическое народное хозяйство другого капиталистического народного хозяйства (целиком или частей его), например, частей Германии Францией.

Благодаря этому империализм, с одной стороны, из специфической политики эпохи финансового капитализма становится всеобщей политикой капитала во все эпохи его существования (и даже, как это следует из настоящей статьи, всеобщей политикой всякого товарного общества), а с другой стороны, теряется характернейшая черта капитализма, не менее характерная, чем тенденция к захвату некапиталистических рынков, а именно тенденция к захвату капиталистических рынков, в которой прежде всего и выражается тот основной факт, что вызванные капиталом к жизни производительные силы переросли рамки народных хозяйств и требуют снесения национальных границ и слияния народных хозяйств в единое мировое хозяйство.

Даваемая Розой Люксембург теория империализма отвлекается от необходимого, более того, от основного свойства последнего и не является поэтому теорией империализма, ибо не об'ясняет того, что подлежит об'яснению, и об'ясняет то, что не требует об'яснения, ибо к вопросу не относится.

Кто хочет понять империализм, как специфическую историческую категорию, должен исходить из монополистического капитализма, из перехода монополистического капитала внутри каждого народного хозяйства от прежнего метода получения прибыли (от конкурентной борьбы при помощи низких цен и, следовательно, расширения рынка) к новому методу получения прибыли при помощи монополистского повышения цен, следовательно, к сужению внутреннего рынка, следовательно, к усиливающейся, по мере роста производительных сил и успехов монополистского об'единения, необходимости выбрасывать все бо́льшие массы товаров (или же капиталов) на внешние рынки. Отсюда, на ряду с устранением конкуренции на внутрен-

них рынках, все более бешеная конкуренция на внешних рынках, экспорт по бросовым ценам, борьба за рынки, борьба за колонии, империализм.

Мы не будем останавливаться на связываемой с теорией рынка Розы Люксембург теории краха капитализма, так как, кто отказался от ее теории рынка, тот не станет поддерживать и ее теории краха капитализма; отметим только, что жалеть о падении этой теории не приходится, ибо теория эта—теория фаталистическая, подставляющая на место внутренних имманентных процессов капитализма его взаимоотношения с внешней средой, заставляющая ожидать неизбежного конца капитализма от внешней, не зависящей от пролетариата причины—от исчерпания фонда «третьих лиц».

Но главная беда разбираемых теорий империализма и теории краха капитализма состоит в том, что, несмотря на то, что они кажутся простым и неоспоримым следствием теории рынка Розы Люксембург, они в действительности не вытекают из последней.

Напротив. из теории рынка Розы Люксембург следует. что возможно непрерывное расширение капитализма без увеличения числа «третьих лиц» (точнее говоря. без увеличения их спроса). Пусть в нашем примере «третьи лица» пред'явили спрос в размере 500, т.-е. купили товаров капиталистического производства на эту сумму. Как было уже сказано, дело не ограничивается тем, что капиталисты получают за свои товары деньги; чтобы произошло расширение капиталистического производства. необходимо, чтобы капиталисты на эти же деньги (точнее говоря, на эту же сумму) купили товары у «третьих лиц». Но тем самым, как было уже изложено выше, деньги в размере 500 возвратятся к «третьим лицам» и восстановят их спрос в прежнем размере. Иными словами, воспроизводство капитализма есть одновременно и воспроизводство вовлеченных в его товарный оборот «третьих лиц» (их спроса). Но тогда расширение капиталистического производства может спокойно продолжаться и без вовлечения новых «третьих лиц», без нового спроса со стороны «третьих лиц». Капиталистическое производство может при каждом цикле производства расширяться на одну и ту же величину (ценностную). В нашем примере сможет

происходить ежегодно расширение на 500, и при первоначальном капитале в 5000 капитализм расширится за десять лет вдвое, а за сто лет—в одиннадцать раз. Следовательно, говорить о безусловной необходимости империализма вследствие необходимости вовлечения новых «третьих лиц» и о безусловной неизбежности краха капитализма вследствие исчерпания фонда «третьих лиц» не приходится. Теория империализма и теория краха капитализма Розы Люксембург не следуют из ее теории рынков.

Попытку Розы Люксембург произвести ревизию взглядов Маркса в вопросе о накоплении капитала необходимо признать совершенно неудавшейся. Сказать это нас обязывает тот самый дух революционной беспощадности, который заставил Розу Люксембург не останавливаться перед авторитетом и перед именем Маркса и без всяких колебаний заявить, что Маркс был неправ в вопросе о накоплении капитала, как только она пришла к такому убеждению. «Пусть каждый говорит то, что он считает правдой», гордо повторяет она слова Реслинга.

Но мы не считаем, что работа Розы Люксембург («Накопление капитала») была работой впустую. Ее неоспоримой заслугой было то, что она поставила перед марксистами вопрос о роли «третьих лиц», о роли некапиталистических товаропроизводителей (и товаровладельцев) для расширения капитализма. В нашу эпоху, эпоху надвигающегося восстания колониальных народов, это—вопрос исключительной важности, и вопрос теоретически не разработанный. Ее решение абсолютно непригодно. Новый спрос «третьих лиц» чем дальше, тем в большей мере становится не причиной, а простым следствием расширения капиталистического производства (накопления капитала).

Поскольку «третьи лица» втягиваются в товарный оборот капиталистического общества, они втягиваются в него не односторонне, не только, как покупатели, но и как продавцы. Чтобы купить, они должны предварительно продать. Каждый кризис капиталистического производства создает на ряду с резервной армией труда резервную армию «избыточных» «третьих лиц», которые, бу-

дучи приучены к этому капиталом, и хотели бы выступить со своим спасительным спросом, но не могут, не могли купить, так как не смогли продать.

Но каждый под'ем капиталистического производства, каждое расширение его использует эту резервную армию «избыточных» «третьих лиц», создает, следовательно, тех новых «третьих лиц», о которых говорит Роза Люксембург, создает их добавочный спрос, который, однако, появляется именно потому, что эти «третьи лица» смогли реализовать свои товары, а они смогли реализовать их потому, что произошло расширение капиталистического производства.

Накопление капитала, расширение капиталистического производства создает, таким образом, не только спрос капиталистов (и их рабочих), но и спрос «третьих лиц». Достаточный или нет, это, повторяю, другой вопрос.

Роза Люксембург повинна, таким образом, в одностороннем истолковании взаимодействия капитала и «третьих лиц». Мы не собираемся в настоящей статье заняться исследованием этой проблемы и ограничимся лишь следующим замечанием.

Как раз на ранних стадиях развития (промышленного) капитализма, когда об империализме говорить не приходится, большую роль играет расширение капитализма за счет некапиталистических производителей, путем их вытеснения. Не связанное всеми ограничениями, которые действуют при самопроизвольном расширении капитализма, расширение его за счет «третьих лиц» значительно увеличивает размах фактического расширения капиталистического производства. На более поздних стадиях развитого капитализма, когда большая часть некапиталистических товаропроизводителей уже вовлечена в товарный оборот капиталистического общества и когда подавляющую часть спроса составляет спрос самого капиталистического общества (а эпоха империализма относится к этому времени), роль «третьих лиц» меняется.

Бывший полумарксист (легальный марксист), ставший апологетом капитала, проф. Туган-Барановский пытался доказать, что, абстрактно говоря (при условии пресловутой пропорциональности), ничто не мешает капитализму беспрепятственно расширяться без кризисов, расширяя производство средств производства. Зерно истины в этом утверждении заключается в том, что если самопроизвольное расширение

капиталистического производства происходит, оно происходит, вопреки Розе Люксембург, именно *таким* образом. Но почтенный профессор не заметил, что рост производства средств производства означает *рост органического состава* всего общественного капитала в целом. А этот рост *не может быть осуществлен по произволу,* он *предполагает* прогресс техники, определенный *темп* этого прогресса [1]).

Самопроизвольное расширение капиталистического производства предполагает, как свою предпосылку, *соответствующий* технический прогресс. Но из чего следует подобное соответствие? *Ни из чего решительно!*

Капитализм ведет, как известно, к колоссальному развитию техники. Но это только одна сторона дела. Другая заключается в том, что для своего беспрепятственного самопроизвольного развития (без кризисов и без «третьих лиц») он *требует* еще большего развития техники.

---

[1]) Насколько прочно Туган-Барановский не понимал этого фундаментального и трагического для его теории обстоятельства, можно видеть из следующей, рисуемой им, картины идеального (с точки зрения капитала) капиталистического общества:

«Ничего не стоит (!) построить новую схему по образцу вышеприведенной и наглядно (!) показать (!), что *самое широкое* (курсив мой. Л. К.) замещение рабочих машинами не в силах само по себе сделать какую-либо машину излишней и бесполезной. *Пусть все рабочие вплоть до одного будут замещены машинами:* в таком случае, этот *единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин и с их помощью производить новые машины и предметы потребления капиталистического класса.* (Курсив мой. Л. К.). Рабочий класс исчезнет (а с ним и все доставляемые рабочим классом неприятности. Л. К.), но это нисколько не затруднит реализации продуктов капиталистической промышленности. Капиталисты будут получать в свое распоряжение большую массу предметов потребления, и весь общественный продукт одного года будет поглощаться производством и потреблением капиталистов следующего года (приятное видение, это «капиталисты следующего года». Л. К.). Если же капиталисты, в своей страсти к накоплению, пожелают сократить и свое собственное потребление, то и это вполне (!) осуществимо; в этом случае сократится производство предметов потребления капиталистов и еще большая часть общественного продукта будет *состоять* (хорошо сказано! Курсив мой. Л. К.) из средств производства, предназначенного для дальнейшего расширения производства. Будут производиться, напр., уголь и железо, которые будут итти на дальнейшее производство угля и железа. Расширенное производство угля и железа за каждый последующий год будет поглощать уголь и железо, произведенные в предыдущем году, и *так до бесконечности* (хорошо! Л. К.), пока не будут исчерпаны запасы соответствующих минералов». (См. М. И. Туган-Барановский «Периодические промышленные кризисы», С. Петербург, 1914. 3-е издание, стр. 229). В гордом упоении своей замечательной теорией рынка, которую он сначала скромно, но совершенно напрасно приписал

Пока необходимый прогресс техники не достигнут, невозможен переход капиталистического производства на следующую высшую ступень. Этот прогресс и достигается обычно во время кризиса. Разумеется, возможно известное расширение капиталистического производства и на базе неизменяющейся техники, но такое расширение ограничено размерами резервной армии труда и приростами рабочего класса не только в том смысле. что для текущего производства требуются рабочие (что само собой разумеется), но и в том, что для вновь произведенных при расширении производства добавочных средств производства (и потребления), при достаточном темпе расширения окажется недостаточно рабочих, которые привели бы их в движение. если только не произойдет необходимый технический прогресс.

Однако, помимо всего прочего, предположение неизменной техники в корне противоречит анархической конкуренции

Марксу, и на которую затем заявил свои неоспоримые авторские права, находя, что его теория «не укладывается в рамки правоверного марксизма, но от этого она нисколько не становится хуже» (ibid., стр. 243), Туган-Барановский, повидимому, не сознавал, что именно он предполагает, не подозревал, что он исходит из поистине чудотворного технического прогресса, что именно на этом несообразном предположении построена его теория. С полным душевным спокойствием он «постулирует» такой прогресс техники, при котором ничего не стоит предположить, что с известного момента для дальнейшего развития производительных сил растущего капиталистического общества уже не требуется увеличения числа работников, которое теперь исчисляется многими десятками миллионов и которое до сих пор всегда росло, несмотря на прогресс техники; что с этого момента становится возможным их решительное сокращение. И он не понимает, что если бы даже остался всего один рабочий, который приводил бы в движение все машины мира, то и это нисколько не спасло бы его упоительную для капитала теорию, ибо дело не в состоянии техники, а в темпе технического прогресса. Он не понимал, что если бы технический гений человечества и совершил чудо чудес—замену миллионов рабочих одним при одновременном росте производства, то это только отсрочило бы кризис, так как новое расширение производства (а единственный рабочий Туган-Барановского, это последнее издание старого Робинзона буржуазной экономики, производит «новые машины») потребовало бы нового чуда технического прогресса, и. следовательно, непрерывное бескризисное расширение капиталистического производства было бы возможно лишь на основе непрерывного (бескризисного) производства чудес. Но если уж призывать на помощь господа бога, то незачем превращать его во второго «единственного» рабочего, производящего непрерывно чудеса технического прогресса (ибо господь бог все же не наемный рабочий капитала, а—по определению Гейне—свободный ремесленник). И было бы много проще, если бы, вместо утомительного непрерывного производства чудес, как средств производства для бескризисного расширения капитализма, господь бог попросту сотворил бы чудо создания расширяющегося без кризисов капитализма.

капитализма (и потому противоречит и действительности), и Туган-Барановский совершенно правильно не ограничивается предположением экстенсивного расширения капиталистического производства.

Но происходит ли самопроизвольное расширение капиталистического производства на базе старой техники (а во время под'ема прогресс техники вследствие ослабления конкуренции невелик), или на базе новой техники, т.-е. происходит ли экстенсивное или интенсивное расширение капиталистического производства, это расширение неизбежно приводит к кризису, ибо поскольку как одно, так и другое ограничено известными пределами, на сцену выступает противоречие между тенденцией капитализма к росту производительных сил, как интенсивному, так и экстенсивному (или, что то же, к расширению производства), и ограниченностью общественного потребления, являющегося следствием пролетарского состояния масс, с одной стороны, и имманентного капитализму стремления к накоплению капитала—с другой; то противоречие, которое опрометчиво пытался устранить своей теорией рынка Туган-Барановский, и которое не находит своего разрешения ни в дальнейшем экстенсивном расширении капиталистического производства, ограниченном приростом рабочей силы, ни в дальнейшем интенсивном его расширении, ограниченном не находящимся с ним в непременном соответствии темпом технического прогресса.

Но здесь необходимо сделать одну оговорку, ради которой нам и пришлось отвлечься несколько в сторону. Поскольку не осуществлен необходимый прогресс техники, невозможно за известным пределом самопроизвольное расширение капиталистического производства. Если, однако, в товарный оборот капиталистического общества втягиваются «третьи лица», это может означать, что пределы расширения производства раздвигаются, что расширение производства может оказаться возможным и при старом (или слабее повысившемся или даже, абстракто говоря, понизившемся) уровне техники, если производство тех товаров, которые сбываются «третьим лицам», отличается более быстрым темпом технического прогресса, чем капиталистическое производство тех товаров, которые производят (и сбывают капиталистическому обществу) «третьи лица». По отношению к капиталистической

индустрии и сельскому хозяйству (основному промыслу «третьих лиц») дело обстоит именно так.

Помимо этого, участие «третьих лиц» означает лишнюю операцию обмена, значит, увеличение периода обращения и следовательно, удлинение всего цикла капиталистического производства путем удлинения периода под'ема (без удлинения кризиса).

Словом, влияние «третьих лиц» (если даже ограничиться сказанным, оставляя в стороне даже то обстоятельство, что товары «третьих лиц» в силу их натуральной формы являются в значительной части неизменными натуральными элементами капиталистического производства) много сложнее, чем предполагала, повидимому, Роза Люксембург, и представляет проблему, техническое и историческое исследование которой является задачей дня. Постановка этой проблемы— теоретическая и практическая заслуга Розы Люксембург, которой (хотя ей и не удалось найти правильное решение этой проблемы) ее несравненное революционное чутье подсказало, что эта проблема есть очередная проблема революционной теории и практики.

Л. Крицман.